

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.10>

Суровцева Екатерина Владимировна

"Записка о внутреннем состоянии России" К. С. Аксакова в восприятии славянофилов и западников (И. С. Аксаков и А. Д. Градовский)

"Записка о внутреннем состоянии России" К. С. Аксакова, сочиненная и переданная автором Александру II (1855; первая публикация 1881), вносится в контекст до сих пор не исследованного жанра "письма царю", в частности - в письмо-декларацию. Подробно анализируются печатные отклики на "Записку", также до сих пор оставшиеся вне поля зрения исследователей, - статья И. С. Аксакова "По поводу "Записки" К. С. Аксакова" с высокой оценкой рассматриваемого текста, критика "Записки" А. Д. Градовским ("Славянофильская теория государственности"), неверно понявшим идею К. Аксакова, в частности о негосударственности русского народа, и обоснованные возражения на критику И. С. Аксакова ("Возражения А. Д. Градовскому") с объяснением "Записки".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 49-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Song Genre in N. M. Karamzin's Lyrics: Traditions, Typology, Sentimentalism Features

Sokolov-Purusin Roman Sergeevich

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow
Var-Vin@yandex.ru

The article examines the song genre in N. M. Karamzin's lyrics. Only the works, which the author himself referred to the song genre, are analysed. The author's techniques to reconstruct a song's "image" and criteria for choosing the means of portrayal are identified. A musical component of the song genre and its influence while creating a song's "portrait" are considered from the viewpoint of literary criticism. Style dominants typical of Karamzin's songs are revealed. Mutual influence and genre evolution of classicistic and sentimentalistic artistic conceptions are examined. The conclusion is made that stylistic functionality of a language manifests itself clearly while creating a song's image.

Key words and phrases: N. M. Karamzin; song; lyrics; sentimentalism; typology.

УДК 821.161.1; 82-65; 82-155

Дата поступления рукописи: 08.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.10>

«Записка о внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова, сочиненная и переданная автором Александру II (1855; первая публикация 1881), вносится в контекст до сих пор не исследованного жанра «письма царю», в частности – в письмо-декларацию. Подробно анализируются печатные отклики на «Записку», также до сих пор оставшиеся вне поля зрения исследователей, – статья И. С. Аксакова «По поводу "Записки" К. С. Аксакова» с высокой оценкой рассматриваемого текста, критика «Записки» А. Д. Градовским («Славянофильская теория государственности»), неверно понявшим идею К. Аксакова, в частности о негосударственности русского народа, и обоснованные возражения на критику И. С. Аксакова («Возражения А. Д. Градовскому») с объяснением «Записки».

Ключевые слова и фразы: славянофильство; западничество; К. С. Аксаков; И. С. Аксаков; А. Д. Градовский; «письмо царю»; письмо-декларация.

Суровцева Екатерина Владимировна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru

«Записка о внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова в восприятии славянофилов и западников (И. С. Аксаков и А. Д. Градовский)

Один из ценнейших источников для изучения истории взаимоотношений власти и литературы – эпистолярный жанр, находящийся – если мы говорим об авторах-писателях – на грани между литературным явлением [3] и бытовым фактом. Именно особый эпистолярный жанр «письма властителю», до сих пор не исследованный (в отличие от дружеского письма [1; 2; 5; 6; 8; 13; 14]), представленный двумя инвариантами – «письмом царю» и «письмом вождю», – и является объектом нашего исследования. Кроме того, этот жанр включает в себя целый ряд разновидностей: письмо-жалоба / просьба / оправдание, письмо-декларация, письмо-дифирамб / благодарность / творческий отчёт, письмо-инвектива, письмо-памфлет, письмо-донос (краткое обоснование темы и обзор проанализированного нами материала, относящегося к XIX-XX векам, см. в других работах автора статьи [9-11]). Комплексный анализ этого материала, использовать который можно и в преподавании как биографий отдельных авторов, так и истории жанров, поможет нам уточнить и расширить наши представления о взаимоотношениях литературы и власти в нашей стране, о «духе времени» в конкретную эпоху. Это определяет **актуальность** нашего исследования.

Состав текстов, относящихся к «письму царю», постоянно пополняется; кроме того, встаёт вопрос о восприятии этих текстов современниками – в тех случаях, когда они были опубликованы, что и определяет **научную новизну** настоящего исследования. **Практическая значимость** работы состоит в том, что ее результаты и общие выводы могут быть использованы в курсах теории и истории русской литературы.

Особое место в рассматриваемом нами жанре занимает «Записка о современном состоянии России» К. С. Аксакова, поэта, публициста, историка, одного из основоположников славянофильства, адресованная и переданная через графа Д. Н. Блудова только что взошедшему на престол императору Александру II в 1855 г. [12, с. 22-44]. Спустя 25 лет после её создания, уже после гибели адресанта, она была опубликована в славянофильской газете «Русь» (№ 26, 27, 28 за 1881 г.). Этот текст, принадлежащий к типу писем-деклараций, очень важен для понимания мировоззрения К. Аксакова. В этом тексте он высказал мысль, что русские – это «негосударственный народ», не ищущий участия в управлении, а потому чуждый революционного и конституционного начала; основу быта русского народа ещё до принятия христианства составляли

общины, государственный элемент появился позже как результат чуждого западного влияния. Решительно противопоставляются государственное (государево) и общественное (земское), под последним понимается духовно-нравственная деятельность, под первым – «по преимуществу дело военное», смысл которого в «защите и охранении жизни народа». Русское государство по сути есть монархия, ибо строжайшая дисциплина и единоначалие в военном деле уравниваются независимостью совести и мысли в деле общественном. Однако эта гармония государства и земли была нарушена Петром I, при котором правительство обособилось от народа; государство начало вмешиваться в дела земли, из служителя народа оно превратилось в идол. Так в России появились «внутренние язвы» (такие, как раскол, крепостное состояние, взяточничество) (более подробный анализ см. в работах «Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830-1850-е годы» и «Славянофильство: из истории русской общественной политической мысли XIX в.» [7; 15]).

После первой публикации «Записки» в прессе появились отклики на неё.

Первым печатным откликом на «Записку» стала статья И. С. Аксакова «По поводу “Записки” К. С. Аксакова» в № 28 газеты «Русь» за 1881 г. [12, с. 15-21]. По мнению И. Аксакова, «Записка» не утратила своей актуальности за 25 лет, прошедшие с момента её написания, она излагает «общие основы русской народной политической мысли» [Там же, с. 15], однако мало людей, ищущих истину, и много тех, кто бездумно перенял западные либеральные идеи. И. Аксаков указывает, что К. Аксакова «поверхностные умы» упрекнули в идеализме, однако не может быть практики без идеализма – и Пётр I, и Бисмарк были не только практиками, но и идеалистами. Всё дело в качестве идеала, который должен быть высок. Таким образом, автор «Записки» – идеалист, оказавшийся пророком. Он показал, как Пётр изменил «отношения власти к народу» и установил административную опеку над частной и общественной жизнью, которая порождает в людях «рабское чувство» и «политическое властолюбие»; он указал также новому императору на то, что продолжающаяся петровская правительственная система будет разрушать русскую почву и провоцировать революционные попытки. И. Аксаков говорит, что к моменту создания «Записки» революционных попыток не было, однако указанная система в николаевское время достигла своего апогея – таким образом, деятельность Николая I заслужила отрицательной оценки. Отметим, что весьма критические замечания в адрес Николая встречаются и на страницах дневника В. Аксаковой [4], в котором утверждается, что своей антирусской, антинародной политикой император довёл страну до нравственного оцепенения. К. Аксаков, приветствовавший «освободительные начинания» Александра II, скончался на шестой год его царствования и не мог предвидеть усложнения общества и власти, однако его в последние годы жизни смущало недостаточное разумение народных начал в самом обществе, а не в правительстве. За период царствования Александра II, по И. Аксакову, были сделаны колоссальные подвижки вперёд в области свобод (суды, печать и пр.), но вред, нанесённый петровской системой, не может быть исправлен так быстро. К. Аксаков призывает к необходимости понять Россию, а вот этого, по И. Аксакову, и не произошло, так как зло слишком глубоко пустило корни. Реформы Александра II ослабили былую административную опеку, но не привели к пониманию России, которое ещё слишком слабо в общественных сферах. Виной тому – «новопреобразованные русские», сжившиеся с «иностранным путём».

И. Аксаков категорически не согласен с мнением некоторых своих современников, что реформы Александра II, ослабляя административный гнёт, ослабили и авторитет власти. По К. Аксакову, при Петре произошёл разрыв власти с народом, когда самодержавие превратилось в деспотизм; этот новый государственный строй привёл к негативным последствиям при Николае I и может быть ликвидирован только двумя способами – либо отречением от иностранного пути и возвращением к исконному союзу Государства и Земли, либо дальнейшим продвижением по иностранному пути, то есть западноевропейским либерализмом, ликвидирующим политический деспотизм в Европе. Второй путь известен – это то самое «политическое властолюбие», приведшее к конституционным попыткам и к 14 декабря. По мысли И. Аксакова, строки «Записки» о возможных революционных попытках относятся к числу пророческих – что мы видим по событиям последних лет. Успеху реформ Александра Освободителя вредило именно то, что государственные деятели и образованный слой общества заражены именно идеями западноевропейского либерализма, и поэтому они смотрели на все преобразования и новые учреждения как на уступки и ограничения власти. Реформы в глазах наших либералов – не возврат к прежнему союзу власти и земли, а введение учреждения, «однородного» с учреждениями европейскими, что претит русскому народному духу, означает «тиранию условно-либеральных чуждых доктрин... над народною духовною самобытностью» [12, с. 20] и осуждает нашу страну «на должность духовного прихвостня Европы» [Там же], при том, что европейский либерализм ни в одной стране Европы, кроме Англии, прочного государственного строя не создал. И. Аксаков отмечает «вредную сторону» преобразований только что минувшего царствования – слабость национального сознания в правительстве и в образованном обществе, совершение преобразований в духе «европейского либерализма» в виде уступки «политическому властолюбию». Сделаны разнообразные ослабления – но не изменён сам путь, что обрекает Россию и на тот же исход, на который осуждена Европа, пророчит К. Аксаков. Народ, по К. Аксакову, ещё держится своих основ, но петровская система уже проникает и туда, что в конечном итоге приведёт к тому, что Россия перестанет быть Россией. И. Аксаков, повторяя эту мысль «Записки», призывает правительство и общество отказаться от петровской системы, от деспотизма, от разрыва власти и земли, от «законнорожденного детища» петровского деспотизма – западноевропейского либерализма, к возвращению на исходный, истинный русский путь; указывает на «фальшивое европейское либеральничанье», что также является серьёзным препятствием для дальнейшего развития страны. Однако раньше или позже придётся убедиться, что петербургскому периоду нашей истории должен быть положен конец, и именно в этом смысле И. Аксаков говорит: «Пора домой!».

Своё отражение идеи К. Аксакова нашли в статье А. Д. Градовского «Славянофильская теория государственности» (газета «Голос», № 159 за 1881 г.) [Там же, с. 66-76]. Градовский обращается к редакции этой либеральной газеты с замечанием, что они в числе многих других граждан нашей страны в последнее время много занимаются политическими воззрениями славянофилов, однако ничего в них не поняли. Не поняли, например, специфику славянофильского понимания свободы. Обычно понятие свободы связывается с понятием юридической нормы, но учение Аксакова (критик оговаривает – среди славянофилов есть люди и с иными воззрениями; отметим, что Градовский не упоминает того, что полемизирует с «Запиской», и этого текста вообще не называет, однако пересказ идей К. Аксакова, а также цитирование ясно показывают, что речь идёт именно о ней) отрицает юридические формы – не только западные, но таковые формы в принципе. Этим объясняется, почему, отрицая западные формы, славянофилы не смогли предложить форм национальных, и почему люди, ратующие за свободу, не желают придать этой свободе юридическую форму.

Воззрения Аксакова и его сторонников Градовский излагает так. Русский народ состоит из людей необыкновенной духовности, не знающих земных интересов, поэтому внешние юридические нормы ему не нужны. Только русский народ воспринял истинную религию; кроме того, он по естеству – истинный христианин, чувствует себя предназначенным для духовной жизни и поэтому неполитический, что есть «чуждый всяких попечений о земном могуществе» [Там же, с. 68-69], его идеал – община. А так как этот народ живёт не на небесах, то и ему нужно государство как внешняя мощь для охраны духовной жизни. Сам он не захотел стать государством – поэтому государство к себе призвал извне и с тех пор снял с себя попечение о внешнем. Государство, согласно учению славянофилов (в изложении Градовского), призвано охранять духовную жизнь народа, но дабы не выродиться в грубую материальную силу, оно не должно отрешиться от духовных сил народа – однако неясно, как этого достичь. По Градовскому, славянофилы проповедуют «сочетание бесформенного государства с бесформенной “духовной свободой”» [Там же, с. 69-70]. Решая вопрос, нужны ли вообще юридические нормы, славянофилы обязательно придут к выводу, что русские не являются *совершенно* особенным народом, то есть они, имея свою специфику, подчиняются общим материальным и нравственным законам. Осознав это, славянофилы, вероятно, несколько иначе оценят своё желание, чтобы русский народ не стал европейским, – русский народ по факту является народом европейским, так как он имеет сознание своей национальности и умеет её отстаивать перед лицом внешних обстоятельств – а это является отличительной чертой именно европейских, а не восточных народов. Ясным доказательством нашей европейскости служат сами славянофилы – такое направление не могло появиться в Московской Руси, когда национальное чувство выражалось в отторжении всего иноземного. Славянофильство – явление западное ещё и потому, что без просвещения, введённого Петром, представители этого направления, критикующие крайности петровских реформ, не достигли бы сознания своей национальности. Кроме того, они не могли бы прийти до сознания личности народной без предварительного сознания личности своей собственной; самосознание же «обуславливается такими формами жизни, которыми обеспечивается материальная и духовная свобода человека» [Там же, с. 72] – закономерно поэтому, что самосознание зародилось в привилегированных классах, а не в среде крепостных крестьян. Отсюда, по Градовскому, вытекает вывод: если славянофилы желают духовной жизни народа, то они должны желать духовной свободы каждой отдельной личности, а человеческая личность, в свою очередь, является элементом государства. Без юридического права нет личности, а без личности нет общества. Славянофилы, по мысли критика, придерживаются уже устаревшей теории «естественного права», тогда как никаких «естественных прав», то есть не созданных в результате общежития, не существует. Этот «юридический элемент» каждое общество вырабатывает трудом, через успехи государственности. Отсюда следует, что отношения государства и народа глубже, чем это думают славянофилы. Государство – не только некая внешняя сила, оно имеет и нравственную миссию – «через улучшение форм жизни возвышать значение и достоинство человека, а через это значение и достоинство всего народа» [Там же, с. 73]. Европейские государства отличаются от азиатских в том числе степенью уважения к личности, и то, что Россия восприняла этот принцип, говорит о её европейскости. Петровскую систему много критикуют, но на одну её положительную сторону славянофилы внимания не обращают. Это успехи, сделанные началами законности формами в развитии прав личности, что заметно по сравнению с московскими временами. Сам Пётр очень заботился о развитии коллегиального начала в управлении; Екатерина II создаёт разряды свободных людей, наделённых правами и свободами, которые постепенно распространяются и на другие разряды людей. Разумеется, петровская «законность» зачастую превращалась в канцелярщину, однако сама идея не умирала. Категорически не согласен Градовский с положением К. Аксакова, что система «петербургского периода» достигла своего апогея при Николае II. Пётр благоговел перед Западом, Николай же почти запретил выезды за границу. Спорит Градовский и с тем утверждением, что Александр II «через головы Екатерины и Петра подал руку царям Фёдору и Борису» [Там же, с. 74] – по мысли критика, всё обстоит «с точностью до наоборот»: Александр II является продолжателем дела Петра и Екатерины. Освобождение крестьян, преобразование судов и местного управления и пр. – это ведение России по европейскому руслу, все эти преобразования не выводятся из московского времени, как говорят, но не могут доказать славянофилов.

Последнее принципиальное замечание Градовского: если славянофилы признают правоту вышеизложенного, они поймут смысл западничества и то, что ни название западничества, ни само славянофильство не имеют смысла. Критик задаёт риторический вопрос: нужно ли нам, вне зависимости от формы правления (славянофилы, по Градовскому, считают, что западники стремятся изменить существующие формы правления), законность в управлении? На этот вопрос можно дать отрицательный ответ, однако без законности не будет никакой «свободы жизни, духа и слова», о которой пишет К. Аксаков.

В настоящее время задача каждого – в спасении той доли цивилизации, свободы и духовности, которую удалось спасти совместными усилиями государства и народа.

С печатной полемикой с Градовским выступил И. А. Аксаков – его статья «Возражения А. Д. Градовскому» была опубликована в газете «Русь» (№ 43 за 1881 г.) [Там же, с. 77-87]. И. Аксаков упрекает Градовского в том, что тот ничего не понял в «Записке» К. Аксакова, и в том, что он приписывает своему оппоненту того, что он не говорил, и затем «разбивает» его. И. Аксаков уличает Градовского в противоречиях – он приписывает славянофилам (попутно отметим, что слово «славянофилы» И. Аксаков берёт в кавычки и именует их «так называемыми» – так как «ни К. С. Аксаков, ни Хомяков, ни Юрий Самарин, ни другие литературные и общественные деятели одного с ними направления не любили этой клички и сами себя так не называли» [Там же, с. 78]) учение о государстве как внешней силе и мысли о государстве «по душе», что не сочетается между собой. И. Аксаков приводит слова Градовского о том, что славянофилы утверждают, будто русский народ создан исключительно для жизни духовной, чуждой земных помыслов, цитирует «Записку» – тот её отрывок, в котором речь идёт о следующем: «Не желая *править*, народ наш желает *жить*... но ищет для себя свободы нравственной, свободы духа, *свободы общественной*, – народной жизни внутри себя» [Там же, с. 79], – и спрашивает – разве это образ народа, чуждого всему земному, и почему торговля отнесена Градовским к числу духовных занятий?

И. Аксаков приводит слова Градовского о том, что славянофилы якобы выдвигают учение о «юридически бесформенном государстве», что внешний закон не нужен – и тут же цитирует «Записку», где прямо говорится о необходимости внешнего закона и недостаточности закона внутреннего из-за несовершенства человеческой природы. Отметим, что тут И. Аксаков цитирует не только «Записку», но и Самарина и Хомякова, пишущих о том же самом.

По мысли критика, Градовский напрасно «трунит» над указанием К. Аксакова на легенду о призвании Рюрика, ибо она отражает «акт сознания *необходимости государственного строя*» [Там же, с. 80] с его внешними формами.

Не приемлет И. Аксаков самоаттестации Градовского – «Я не поэт, не моралист. Я скромный юрист» [Там же]. Разумеется, поэтом человек может не быть, однако «хорош “юрист”, не подбитый “моралистом”, игнорирующий учение о морали, как об основе права, о нравах, об их могущественном значении в жизни обществ и государств и об их отношении к внешним законам и юридическим формам!» [Там же]. Таким образом, Градовский предстаёт даже не как юрист, а как «формалист в области внешнего права» [Там же, с. 81]. А ведь сущность славянофильского учения вообще и «Записки» в частности состоит в признании государства внешним законом и «в сопоставлении с государством внутренней жизни духа, высших начал, высших требований нравственной правды и свободы, заключенных в душе человеческой» [Там же]. Для славянофилов государство – не цель, а средство для достижения высшей цели, внешние законы – некое условное выражение части истины. Необходимо разделение Божьего и Кесарева, так как если Кесарь вытеснит Бога, тогда совестью человека станет внешний закон, «юридические нормы залезут в мир внутренней жизни» [Там же, с. 82]. Подобные попытки предпринимаются в Европе, где возрастает культ государства как панацеи, как единственного условия благоденствия. Например, во Франции часты революции, меняющие формы правления и стремящиеся дух вместить в юридическую норму и претворить всё в правовой порядок. В России понятие правового порядка также в ходу, однако оно не обозначает порядка, обязательно воплощающего высшую правду, и либо не имеет смысла, либо означает стремление заменить Божье Кесаревым, когда нравственно то, что законно. Однако французский террор, например, был законный и правовой. У нас часто говорят о «гарантиях» и усматривают их именно в «правовом порядке» – однако «чем же гарантируется гарантия?» [Там же, с. 83]. В качестве примера И. Аксаков называет намерение Гамбетта получить себе лишние голоса в магистратуре и таким образом посягнуть на принцип несменяемости судей (которая считается условием их независимости) для составления нужного правительству большинства – магистратура оказалась слишком независимой от администрации. Критик Градовского считает, что сила не в правовом порядке, а в нравственной почве, и иллюстрирует эту мысль ссылкой на Англию, где закон о печати – «самый драконовский изо всех европейских» [Там же], однако в силу того, что нравы уже переросли закон, его уже никто не соблюдает буквально. Именно эту «власть совести» К. Аксаков хочет оградить от внешней правды и от формализма, воплощением которых служит государство, – оградить, разумеется, только в сфере сознания. Русский народ, по К. Аксакову, призвал к себе внешнюю государственную власть, создал самое могущественное государство и самую крепкую власть в мире – и в то же время подчиняется этой власти не рабски, а сознательно, он не подчинил духовные идеалы политическим; он признаёт необходимость внешней формы – но формализм ему ненавистен. Именно в этом смысле К. Аксаков называет русский народ неполитическим и негосударственным. И тут Градовский искажает смысл «Записки» – аксаковское обозначение русского народа как неполитического он толкует в том смысле, что народ не заботится о земном могуществе, но, согласно «Записке», всё наоборот: русские позаботились о создании могущественной державы как формы своего общественного существования. Именно в этом смысле, по И. Аксакову, русских можно назвать «самым государственным в мире» [Там же, с. 84], понимающим истинный государственный смысл. И. Аксаков приводит слова немецкого писателя Рия, о котором К. Аксаков знал лишь понаслышке, о том, что немецкий народ – социальный, а не политический. Этот писатель желал свой народ похвалить, и он понял бы смысл «Записки», в отличие от наших либералов.

Село менее города склонно жить политической жизнью, рассуждает И. Аксаков. В России 80% населения живёт в сёлах – и с этой, внешней стороны подтверждается мысль К. Аксакова о неполитичности нашего

народа. Но вместе с тем он оправдывается и чертами нашей психологии – социальные задачи, поняты нами в нравственном смысле, нам дороже политических. Например, освобождение крестьян произошло именно в силу этой особенности. Для англичан право – святыня, даже если оно безнравственно. У нас слово «чиновник» считается «чуть ли не обидною аттестацией» [Там же, с. 85] – вне связи с качествами конкретных представителей чиновничества, так как оно означает поклонника формы. У немцев и французов этой характеристикой гордятся. У нас же «халатное» отношение к формальным обязанностям доходит до «вредной... крайности» [Там же], но эта крайность – «доведённая до уродства черта нашей “неполитичности”» [Там же]. «Политическое властолюбие» появилось у нас недавно и не имеет корней. Во Франции же каждый студент властолюбив, партии в этой стране борются не ради свобод, а из-за власти.

Всеми этими психологическими чертами определяется, но не исчерпывается значение нашей неполитичности. В своей статье И. Аксаков хотел отозваться лишь на главные аргументы Градовского против славянофильства. Поэтому он оставляет в стороне вывод Градовского о необходимости юридических форм для управления государством – «Записка» говорит не об управлении, а именно о правлении, его формах. Что касается управления – то ни К. Аксаков, ни газета «Русь» никогда не отрицали законов, ограничивающих произвол и защищающих свободу и достоинство человека. Издание подобных законов свидетельствовало бы о развитии сознания правящих и общественных кругов. Именно к этому и следует стремиться и именно это является «единственно прочной гарантией» – чтобы свобода совести и слова вошли в обычаи и нравы, а она сбудется тем скорее, чем меньше будет связываться с политическими правами и гарантиями. Нужно желать, по И. Аксакову, чтобы «правительство прониклось не только национальным, но и народным духом» [Там же, с. 87] и усвоило те принципы, которые изложены в «Записке», дабы государство и земля жили, по поговорке, в любви и совете.

Таким образом, «Записка о современном состоянии России» К. С. Аксакова вписывается в жанр «письма царю» и является подробным изложением взглядов её автора на сущность России. «Записка» стала предметом дискуссии приверженцев западников, не вполне точно понявших смысл изложенных в тексте идей, и славянофилов. Основные идеи «Записки» состоят в том, что русский народ – негосударственный и неполитичный и что российское государство построено на специфических отношениях Земли и Власти. Первый печатный отклик на этот документ принадлежит К. Аксакову, который полагает, что «Записка» не утратила своей актуальности, так как в ней излагаются основы национальной политической жизни. В ней содержится отрицательная оценка Николая I и положительная оценка Александра II и высказывается мысль, что союз Земли и Власти ослаблен, но не прерван, и не изменён путь нашего развития. А. Градовский в своём отзыве заявил, что «Записку» не поняли; он интерпретирует этот текст как проповедь сочетания бесформенного государства с бесформенной духовной свободой, доказывает европейскость русского народа, чему свидетельство, в частности, реформы Александра II, утверждает необходимость законности в управлении. И. Аксаков, в свою очередь, упрекает Градовского в том, что тот не разобрался с идеями, изложенными в «Записке», и с учением славянофилов в целом, спорит с таким толкованием «Записки», что русский народ чужд всему земному, указывает, что и для К. Аксакова, и для его единомышленников государство – средство, а не цель, и что русский народ негосударственный в том смысле, что ему чужд формализм, для него социальные задачи важнее политических. Главное возражение Градовскому – это то, что К. Аксаков говорил не об управлении, о чём рассуждает критик «Записки», а о формах правления.

Список источников

1. **Белунова Н. И.** Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования: коммуникативный аспект: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2000. 475 с.
2. **Белунова Н. И.** Элитарная речевая культура и ее основные особенности. На материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. СПб.: СПбГУ, 2009. 104 с.
3. **Вахитова Т. М.** Письма М. Булгакова правительству как литературный факт // Творчество М. Булгакова. Материалы, библиография: в 4-х кн. / под ред. Н. А. Грозновой и А. И. Павловского. СПб.: СПбГУ, 1995. Кн. 3. С. 5-24.
4. **Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854-1855** / ред. и прим. кн. Н. В. Голицына, П. Е. Щёголева. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1913. 184 с.
5. **Кузьмина М. Д.** Дружеское письмо 1830-х годов: заграничные корреспонденции Т. Н. Грановского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 48-51.
6. **Лазарчук Р. М.** Дружеское письмо второй половины XVIII века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1972. 19 с.
7. **Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830-1850-е годы** / отв. ред. К. Н. Ломунов. М.: Наука, 1978. 502 с.
8. **Степанов Н.** Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза: сб. статей / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74-101.
9. **Суровцева Е. В.** Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-1980-е гг.): монография. М.: АИРО-XXI, 2010. 128 с.
10. **Суровцева Е. В.** Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-1950-е годы). М.: АИРО-XXI, 2008. 168 с.
11. **Суровцева Е. В.** Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2011. 164 с.
12. **Теория государства у славянофилов:** сборник статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Аф. В. Васильева, А. Д. Градовского, Ю. Ф. Самарина и С. Ф. Шарапова. Особое приложение к «Русскому Трудю» 1898 года. СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1898. 95 с.
13. **Тодд У. М.** Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. И. Ю. Куберского. СПб.: Академический Проект, 1994. 207 с.
14. **Фесенко О. П.** Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры. Омск: Изд-во Омского экономического ин-та, 2008. 128 с.
15. **Цимбаев Н. И.** Славянофильство: из истории русской общественной политической мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 271 с.

**K. S. Aksakov's Note "About Internal State of Russia"
through the Eyes of Slavophiles and Westerners
(I. S. Aksakov and A. D. Gradovsky)**

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
surovtseva-ekaterina@yandex.ru

K. S. Aksakov's note "About Internal State of Russia" delivered to Alexander II (1855; the first publication 1881) is examined in the context of the previously unexplored genre of "letter to the tsar", in particular, "letter-declaration". The researcher analyses in detail critical comments on K. S. Aksakov's note, which have not previously attracted researchers' attention – I. S. Aksakov's article "Some Remarks Concerning K. S. Aksakov's Note", in which the author highly appreciated the analysed work, criticism on the part of A. D. Gradovsky ("Slavophilic Theory of Statehood"), who misinterpreted K. S. Aksakov's conception of the Russians' "non-statehood", and I. S. Aksakov's well-grounded response to criticism ("Comments on A. D. Gradovsky's Publication") providing an interpretation of the "Note".

Key words and phrases: Slavophilism; Westernism; K. S. Aksakov; I. S. Aksakov; A. D. Gradovsky; "letter to the tsar"; letter-declaration.

УДК 8; 82.091

Дата поступления рукописи: 29.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.11>

В статье проанализировано речевое поведение лирического героя сборника «Камень» О. Э. Мандельштама. Коммуникативный подход к анализу лирического стихотворения позволяет рассматривать его как сложное взаимодействие автора и читателя – внешних участников диалога, лирического героя и лирической героини или других героев – участников внутреннего диалога. Речевое поведение лирического героя О. Э. Мандельштама составляет небольшой набор речевых жанров: вопрос, упрек, приказ и просьба. Доминантное положение в репертуаре речевых жанров лирического героя занимает жанр вопроса, что позволяет говорить о том, что основными чертами являются неуверенность, склонность к рассуждениям и самоанализу.

Ключевые слова и фразы: речевое поведение лирического героя; речевые жанры; О. Э. Мандельштам; сборник «Камень»; внутренний диалог; типы собеседников лирического героя.

Чернова Юлия Владимировна, к. филол. н.

Кузнецова Галина Васильевна, к. филол. н., доцент

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, г. Москва

Gulia77778@gmail.com; g.kuznetsova50@yandex.ru

**Особенности речевого поведения лирического героя О. Э. Мандельштама
(на примере сборника «Камень»)**

В постоянно развивающейся филологической науке существует огромное количество статей, в которых поднимаются вопросы, связанные с речевыми жанрами. Изучению и освещению данной проблемы посвящены исследования таких ученых, как Н. Д. Арутюнова [2], Г. И. Богин [4], А. Вежицкая [5], В. Е. Гольдин [6], В. В. Дементьев [7], В. Е. Кучереносов [10], М. Ю. Федосюк [13; 14], Т. В. Шмелева [15] и др.

Однако, как известно, первым предложил теоретическое обоснование данному понятию М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров». Он также заложил основу для создания типологии речевых жанров. В своей работе ученый предлагает следующее определение: речевые жанры – это «относительно устойчивые, композиционные и стилистические типы высказываний» [3, с. 255]. По мнению ученого, речевой жанр является действием, а не продуктом (точнее говоря, он считается кодифицированной формой действия). По мнению М. М. Бахтина, наша речь представляет собой лишь набор определенных речевых жанров. «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы выражаем нашу речь определенными жанровыми формами... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Там же].

Вторичность речевых жанров в поэтических текстах обусловлена тем, что жанрообразующие признаки речевых жанров в поэтических текстах не совпадают с признаками первичных речевых жанров, распространенных в бытовом общении. Именно с этим связано отсутствие художественных жанров в классификациях, предложенных учеными, которые в своих работах не соотносили понятие коммуникативной цели и непосредственно языковую функцию.

Основополагающей при исследовании речевых жанров в поэтических текстах остается теория М. М. Бахтина. При этом под речевыми жанрами подразумеваются такие модели текста и такой вид речевого поведения, который «характеризуется относительной устойчивостью тематических, композиционных и стилистических характеристик» [14, с. 104]. Данный вариант определения сконцентрирован на внутренней структуре речевого произведения, что, в свою очередь, определяет анализ поэтического текста.